MENNA
VAN PRAAG

THE SISTERS GRIMM

Менна
Ван Прааг

Сестры Гримм

LIKE BOOK
МОСКВА
2022

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
П68

Menna Van Praag

THE SISTERS GRIMM

THE SISTERS GRIMM Copyright © 2020 by Menna Van Praag

Перевод с английского *Е. Татищевой*

Художественное оформление *Е. Тинмей*

Прааг, Менна Ван.

П68 Сестры Гримм / Менна Ван Прааг ; [перевод с английского Е. Татищевой]. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с.

ISBN 978-5-04-116445-4

Когда-то давным-давно демон, желавший земного господства, породил темных дочерей. В тринадцать лет сестер — Голди, Беа, Скарлет и Лиану — разлучили, но пять лет спустя они решили воссоединиться, чтобы открыть свои уникальные способности. Голди — земля, Лиана — вода, Скарлет — огонь, Беа — воздух. И теперь, накануне восемнадцатилетия, каждая из девушек должна пройти обряд посвящения и выбрать сторону добра или зла.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-116445-4

© Е. Татищева, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Моей матери, моей дочери,
моей сестре и всем сестрам Гримм.
И тем, кто порой не спит в 3.33 утра.

Окончился сон,
Спустился туман,
Послушайте сказку,
Она есть обман.
Послушайте сказку,
Хоть лжива она,
Но истины также
Та сказка полна.

Пролог

Все души неповторимы. И неважно, сын это или дочь, неважно, Гримм это или не Гримм. Дух жизни касается каждого ее творения. Но зачатие дочери особенно мистично, оно требует некой алхимии. Ибо для того, чтобы зачать существо, способное выносить и родить саму жизнь, необходимо нечто такое… особое.

Любая дочь рождается от какой-то из стихий, каждой из которых свойственны свои силы. Одни рождаются от земли: они плодородны, как почва, крепки, как камень, неколебимы, как старый дуб. Другие рождаются от огня: они вспыхивают, как порох, чаруют, как свет, ярятся, как неудержимое пламя. Третьи рождаются от воды: они спокойны, как озеро, упорны, как волна, непостижимы, как океан. Сестры Гримм — это дочери воздуха, они рождены от грез и молитв, веры и воображения, стремлений, с их яркой белизной, и желания, с его черными очертаниями.

На Земле и в Навечье сотни, возможно, даже тысячи сестер Гримм. И вы вполне можете быть одной из них, хотя, может статься, так никогда об этом и не узнаете. Вы считаете себя обыкновенной, не подозревая, что вы сильнее, чем кажетесь, смелее, чем чувствуете, и больше, чем вам представляется.

Я надеюсь, что к моменту окончания этой истории вы начнете прислушиваться к неведомому, видеть знаки, указывающие на незримые пути, и ощущать тягу к невероятным перспективам. Хочется верить, что вы откроете для себя свою собственную чудесность, свое собственное волшебство.

Обратный отсчет

29 сентября — 33 дня...

9.17 пополуночи — Голди

Сколько себя помню, я всегда была воровкой и лгуньей. Возможно, я даже убийца, хотя так это или не так, решать вам самим.

— Голди, выходи!

Я убираю блокнот и ручку в карман фартука, разглаживаю заправленную постель, стираю последнее пятнышко с оправленного в золоченую раму зеркала в прихожей, посылаю воздушный поцелуй, адресую стихотворную строчку розовой пятнистой орхидее, стоящей на полке под зеркалом, и выбегаю из номера 13 в коридор.

Мистер Гэррик ждет, его близко посаженные глаза щурятся, лысая голова блестит в свете потолочных ламп. Он проводит по ней сальными руками. Вот если бы он мог пересадить волосы с кистей на лысину!

— Иди займи место за стойкой регистрации, Голди. Кэсси позвонила и сказала, что больна.

— Что? — Я хмурюсь. — Но... Я же не...

— Иди сейчас же. — Гэррик гладит узел своего галстука, слишком туго охватывающего его складками лежащую на воротнике шею, затем пытается щелкнуть заплывшими жиром пальцами, но он слишком вспотел, так что звук получается жалким. Я пытаюсь не выказать своего отвращения.

Иду за Гэрриком в лифт и вжимаюсь в стенку, но толку от этого нет. Эти сальные жадные руки все равно рыскают по моему телу, лапают его в таких местах, касаться которых он не имеет права. Когда кончик его пальца касается моего соска, у меня перехватывает дыхание и напрягается мышца, сдерживающая позыв к мочеиспусканию. В детстве я никогда не могла сдер-

живать этот позыв, теперь же, как правило, могу. Когда двери лифта со звоном открываются, я тут же вываливаюсь в вестибюль. Гэррик же не спешит, он разглаживает свою полиэстеровую жилетку на жирном брюхе, поправляет галстук и только затем неторопливо идет к стойке регистрации.

Я уже стою за ней и жду. Если бы я так не нуждалась в этой чертовой работе, чтобы кормить и одевать Тедди, то давно переломала бы все его жирные пальцы. И открыла бы рот, дав ему засунуть туда язык, а затем впилась бы в него зубами, чтобы по моему подбородку побежала кровь.

— А что с Кэсси? — спрашиваю я.

— Ничего особенного. — Гэррик понижает голос и плотоядно ухмыляется. — Женские дела.

— А ее не может заменить Лив? — пытаюсь протестовать. — Я же не обучена работать на стойке регистрации.

— Я знаю. — Гэррик вздыхает, испуская дурно пахнущий выдох. — Но ее телефон не отвечает. Да и вообще, сегодня мы ожидаем не более пяти-шести гостей. — Он снова расплывается в той же ухмылке. — Так что тебе надо будет просто стоять за стойкой и выглядеть хорошо. Думаю, с этим можешь справиться даже ты.

В ответ на это я просто смотрю в пространство и молчу.

— Привет, Голди.

Поднимаю глаза и вижу Джейка — носильщика, который робко машет мне рукой. Мы с ним вроде как встречаемся. Он немного скучноват, но зато мил и добр и просит немногого. Что хорошо, ведь я мало что могу ему дать.

Джейк бочком подходит к своей собственной стойке.

— Что ты делаешь тут, внизу?

Он довольно красив, но наши отношения продлятся недолго. Всякий раз, когда он пытается коснуться меня, я вздрагиваю и отстраняюсь. Это не его вина, но мне никак не подобрать слов, чтобы объяснить ему, в чем дело.

— Кэсси заболела, — говорю я.

— А раньше ты когда-нибудь работала за стойкой регистрации? — спрашивает он.

— Да, — без сомнений лгу. Джейк работает в отеле только шесть недель, так что я могу говорить ему все, что хочу. Могу притвориться смелой, сделать вид, будто мне все равно, будто,

стоя за стойкой регистрации, я вовсе не чувствую себя так, словно меня посадили в колодки[1] на городской площади.

— Лично я нервничал бы, — говорит Джейк. — И не знал бы, что говорить. — Он робко кладет руку на стойку. Ему хочется потянуться ко мне, но он этого не делает.

— Джейк! Где ты, черт возьми? Джейк!

Парень опускает руку, и мы оба поворачиваемся в сторону крика.

— Я лучше пойду, — говорит он, уже пройдя половину пути до лестницы. Он не оборачивается, чтобы улыбнуться мне или помахать рукой — просто не может этого сделать. Наш босс не терпит многих вещей, но вены выступают на его лысом черепе особенно быстро, если его заставляют ждать.

Стоя за стойкой, я с ненавистью смотрю на телефон, мысленно заклиная его не звонить, затем снимаю с рукава дешевой блузки, составляющей часть моей гостиничной униформы, несколько длинных волос. Я слишком растрепана для этой работы, черт бы побрал Кэсси! Она должна быть здесь, эта принцесса стойки регистрации. Красавица Кэсси — пышная, как ваза, полная пионов. Рядом с ней я всего лишь скромный нарцисс. Раньше мы вместе убирали комнаты, но ей всегда хотелось чего-то большего: больше денег, больше престижа. Если ты работаешь за стойкой, тебе не нужно носить безобразную гостиничную униформу, и на жизнь можно зарабатывать, улыбаясь гостям, а не склоняясь над унитазами, от которых (будем надеяться) пахнет чистящим средством. Что до меня, то чем с меньшим количеством людей я общаюсь, тем лучше. С меня хватает и Гэррика, проглотить что-то большее я не смогла бы.

Кстати, насчет Гэррика и глотания — ни для кого не секрет, что именно это Кэсси и проделала, чтобы ее избавили от мытья унитазов и перевели на стойку регистрации. Со мной жадные ручонки Гэррика смогли сделать не много — я никогда не остаюсь наедине с ним достаточно долго. Так что он может только лапать меня и делать грязные намеки.

В один прекрасный день я схвачу какой-нибудь тяжелый предмет и хорошенько стукну им по его лысой голове.

---

[1] Колодки — деревянная конструкция с прорезями для головы и рук, одной ноги или обеих ног (*прим. лит. ред.*).

* * *

Я стою за стойкой регистрации, нацепив гостиничный значок и приклеив к лицу дежурную улыбку, и чувствую мой блокнот в кармане фартука. Здесь я не могу в нем писать — наверное, это самое худшее в работе за стойкой. Дело в том, что я не только воровка, но и писательница. А, возможно, также и поэтесса, но только по моим собственным меркам. Так легче приспосабливаться к голосу, постоянно болтающему в моей голове и комментирующему каждое ничем не примечательное событие в моей жизни. Я не могу контролировать эту болтовню, но могу записывать все стоящее, когда есть возможность. Это немного успокаивает мой ум.

Поскольку сейчас я не могу писать, я думаю о Тедди. Интересно, что он сейчас учит, от каких новых знаний взволнованно раскрываются его глаза? Мысли о брате всегда приносят мне успокоение. Ему уже почти десять лет, и он именно такой, каким и должен быть ребенок: простодушный, радостный, добрый. Тедди — чистая душа, не то, что я, давно ставшая пропащей.

После оплаты аренды квартиры и счетов большая часть моей зарплаты уходит на плату за обучение брата в частной школе: 8590 фунтов в год. А поскольку я зарабатываю 7,57 фунтов в час и работаю 63 часа в неделю, остальную часть доходов мне дают кражи. Я знаю, что он мог бы учиться и в государственной школе, но мальчишка так счастлив в Сент-Фейтс. А мне после всех произошедших событий хочется, чтобы он как можно дольше оставался счастливым. Поэтому я время от времени и освобождаю наших богатых гостей от бремени всяких необязательных безделиц. Удивительно, сколько всего люди могут не замечать, когда имеют так много.

— Извините?

Я поднимаю глаза и вижу господина с римским носом, глядящего на меня сверху вниз.

— П-простите, с-сэр. Я не… Чем я могу вам помочь?

Он игнорирует мою улыбку и попытку исправить собственную невнимательность.

— Чарльз Пенри-Джонс, — изрекает он. — Мы пробудем здесь десять ночей. Моя жена просила дать нам номер с видом на двор.

Киваю ему. Я не умею вести светскую беседу и просто молюсь о том, чтобы просьба его жены была удовлетворена. У меня совсем не получается умасливать рассерженных гостей — они выводят из себя своим неприкрытым презрением и чванством.

Забиваю его фамилию в компьютер, и задача решена — требование его жены выполнено, все в порядке. А когда поднимаю глаза снова, рядом с Пенри-Джонсом стоит он.

Парень высок, строен и силен, точно белая береза, и так же необычно белокур — его волосы светлы, как солнечные лучи, золотящие ее верхушку. Глаза у него зеленые, и их цвет вобрал в себя с полдюжины оттенков: бледная зелень только что проросшей травы или первых весенних побегов, темная зелень леса, сероватая зелень лавровых листьев, глянцевитая зелень мирта, мягкая зелень авокадо... Он дарит мне смущенную улыбку. Я отвечаю на его взгляд и чувствую нечто такое, чего никогда не чувствовала прежде — внезапно меня охватывает огонь.

— Где ты был, Лео?

Улыбаюсь своим мыслям; теперь я знаю его имя. Должно быть, они отец и сын, хотя они не очень-то похожи. Отец идеально вписывается в этот роскошный вестибюль, словно ухоженный, выращенный в оранжерее кактус, а сын кажется здесь немного чужим.

— Где твоя мать?

— Достает что-то из машины. Сейчас придет.

Голос у него тихий и красивый, кисти опущенных рук сильные, пальцы длинные, так что мне кажется, что прикосновение его должно быть нежным, а рукопожатие — крепким. Я чувствую, как внутри меня начинают разворачиваться шелковистые ленточки желания, и тут же обрезаю их.

— Она в дурном настроении, — говорит Пенри-Джонс. — Вечно требует, чтобы я брал ее с собой в деловые поездки, а потом жалуется на то, что я занимаюсь делами. Хорошо, что ты здесь и можешь разрядить атмосферу.

— Ключи от вашего номера. — Я пододвигаю к нему ключи по полированному дереву стойки.

— Мне нужно, чтобы меня разбудили в шесть тридцать. — Отец Лео накрывает ключи ладонью. — Во сколько ресторан открывается на ужин?

— В с-семь часов, — отвечаю я. — Хотите сделать з-заказ?

— Нет, не нужно. — Он смотрит на Лео: — Пойдем. Твоя мать сможет найти нас в баре.

С этими словами мужчина идет по вестибюлю к лифту, сын следует за ним.

Обернись, — шепчу я. — *Обернись,* — заклинаю его. — *Обернись и посмотри на меня.*

Дойдя до лифта, он останавливается. Как только наши взгляды встречаются, я опускаю глаза на стойку, а когда поднимаю их вновь, его уже нет.

10.11 пополудни — Лео

Что бывает, когда на Землю падает звезда? Лео может об этом только гадать, поскольку ему не выпало такое счастье. Его сдернули с места, приказав явиться, покинуть свое место на небесах. Смог бы он сохранить свою чистоту и невинность, если бы просто упал? Возможно, он лишился их именно потому, что его вырвали из родного ему мира. И в его холодном каменном сердце укоренились ярость и отчаяние и росли, росли, покуда он не научился творить такие вещи, которые звезды не стали бы делать никогда. Кроме тех, которые были точно так же, как юноша, сдернуты со своих мест, дабы исполнять то, что скажет Он.

Иногда Лео узнаёт другие звезды, хотя теперь они превратились в парней и мужчин, перестав быть шарами раскаленного газа. После падения к ним уже неприменимо слово «звезда», ведь они больше не сияют, не испускают свет, а излучают только тьму и смерть. Куда более к ним подходит определение «солдат», потому что Он сдернул их вниз не затем, чтобы они светили, а затем, чтобы убивать, искоренять и истреблять. У их армии только одна миссия: гасить то, в чем зародился свет.

Поскольку когда-то свет жил и в них, эти солдаты справляются со своей задачей великолепно. На Земле они могут разглядеть сестру Гримм на расстоянии мили, а в Навечье они способны засечь, отследить и, порой, убить ее, не применяя ни одного из земных чувств. Этим звездам-солдатам, или *lumen latros*, как их предпочитает называть Он, достаточно просто подо-

ждать, пока их собственный внутренний свет не вспыхнет и не замерцает, узнав свет сестры Гримм.

Лео не скоро понял, что слово «солдат» ведет к неверным выводам, ибо подразумевает под собой борьбу за правое дело с неправым врагом. Для его отца же сестры Гримм вовсе не враг, а величайшая надежда. И, по правде говоря, его солдаты — это пушечное мясо, которое Вильгельм Гримм бросает против своих дочерей, дабы испытать их силу, привить им вкус к крови и убийствам и обратить их к тьме. Он хочет не войны и сражений, а хочет, чтобы его солдаты проиграли его дочерям. Хочет кровопролития.

Иногда это приводит Лео в такую ярость, что у него возникает желание дезертировать из армии и покинуть своего военачальника. Он не делает этого лишь потому, что не может — его отец карает всех дезертиров смертью, — а также потому, что для продолжения собственной жизни ему необходимо убивать: вбираемый им свет сестер Гримм питает свет и в нем самом. И, наконец, потому, что он все еще мстит за смерть того, кого любил.

Во время охоты Лео видит и других солдат, правда, это случается редко, ибо они стараются не посягать на угодья друг друга. Они охотятся каждый месяц в ночь первой четверти луны, пройдя в 3.33 пополуночи через врата, ведущие с Земли в Навечье.

Сестры Гримм являются в Навечье, чтобы собраться вместе, здесь Лео и находит их. Сестры приходят сюда, когда хотят — в любой час, в любой день, — а сам он может явиться только в строго определенное время. И им нет нужды непременно проходить через врата, хотя иногда им и нравится это делать, ибо это приятный ритуал, им достаточно просто заснуть, закрыть глаза и проскользнуть в страну, лежащую между светом и тьмой, между бодрствованием и снами. Иные из них, особенно молодые, даже не помнят, где они побывали, и пробуждаются так ничего и не узнав. Но большинство приходят сюда намеренно, дабы встретиться со своими сестрами, пустить в ход свои силы, тренируясь и готовясь к той ночи, когда им придется сражаться за свою жизнь.

Лео с первого взгляда видит, что Голди не помнит Навечья. Она забыла себя саму, не ведает, кто она такая, не знает, насколько она искусна и сильна. Именно это ее неведение, если она так и будет в нем пребывать, склонит чашу весов в его поль-

зу. Лео улыбается. Он почти что чувствует, как свет ее рассеивающегося духа разом наполняет его жилы, словно электрический разряд, который возвращает ему жизнь.

11.11 пополудни — Голди

Изумительная наружность этого парня заставляет меня думать о том, как бы я описала саму себя. По-моему, у нас одинаковые волосы, хотя мои — вьющиеся — доходят мне до плеч. Раньше мои кудри ниспадали мне на спину, но я отрезала их, когда умерла мама. Моя кожа не так уж светла, глаза у меня не зеленые, а голубые. Мне бы хотелось сказать, что они вобрали в себя с полдюжины оттенков: живокости, колокольчиков, васильков, гортензии, ломоноса... Но сказав так, я солгала бы, а себе самой я стараюсь не лгать. Голубизна моих глаз светла и бледна, это голубизна незабудок. Заурядная, неприметная.

То, что он оглянулся и посмотрел на меня, просто совпадение. Хотя ощущение у меня определенно было такое, словно я приказала ему это сделать. Знаю, что это глупо, но не могу не гадать. В моем мозгу роятся мысли, вопросы, соображения, они множатся и множатся, пока у меня не начинает болеть голова.

Чтобы отвлечься, сбрызгиваю водой стоящую на каминной полке фиолетовую орхидею, глажу ее листья, шепчу ее лепесткам стихи Вордсворта. Теперь на ней столько бутонов, что я ищу карандаши и шпагат, чтобы подвязать ее. Пока я не начала работать в отеле, смертность среди здешних цветов была просто ужасной. В месяц их погибало не меньше дюжины, но я положила этому конец, потому что всегда любила и умела ухаживать за растениями. Затем смотрю на монитор компьютера, полирую и так блестящую поверхность стойки, выдвигаю и задвигаю ящики. Даже желаю, чтобы подошли новые гости, хотя час уже поздний. Все равно не могу не думать о той минуте, когда он оглянулся, дойдя до лифта. Я так привыкла постоянно чувствовать себя на нервах — словно сжавшийся заяц, всегда готовый юркнуть в свою нору, — и не знала, что способна чувствовать себя по-иному. В ту минуту я чувствовала себя сильной. Так, как будто я могу повелевать армиями, повергать в прах целые страны. Как будто мне подвластно волшебство.